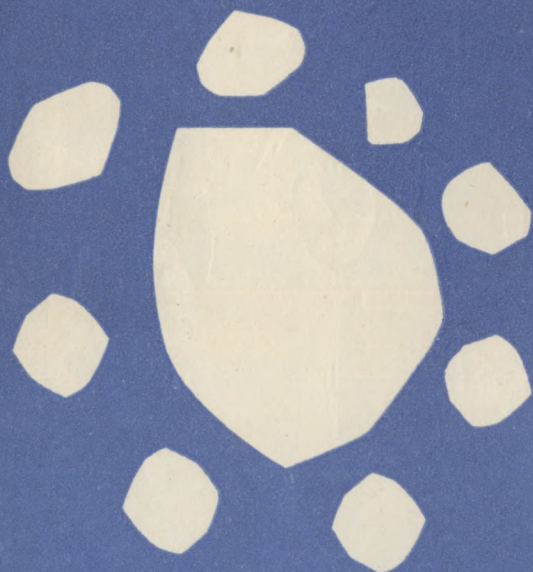


ВИКТОР АСТАФЬЕВ







П Е Р М С К О Е
К Н И Ж Н О Е
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1969





ВИКТОР
АСТАФЬЕВ

**Дядя
Кузя,
куриный
начальник**



P2
A. 91





ЗНАКОМСТВО С ДЯДЕЙ КУЗЕЙ

Село дворов на пятьдесят рассыпалось по берегу реки. От села на лёд стекает санная дорога, а к прорубям прострочены тропинки.

Над селом дымы стоят, каждая труба густо курится. На окраине села, потонувшая в снежных сугробах, стоит птицеферма. Снег свисает с её прогнутой крыши валами. Снег завалил до половины продолговатые, испачканные изнутри окна.

За птицефермой, шагах в ста, лес начинается. Лес тоже задавило снегом. Стоит он неподвижно, завязив лапы в сугробах. Тишина и сон в нём таятся.

Одна ель отбилась от семьи лесной, маячит среди поляны, обдута ветрами, без снежной шубы, голая, зябкая. Прилетит на неё ворона, сядет на

вершину и, по-старушечьи нахохлившись, задумается. Думает, думает и заорёт на всю округу, но никто ей не откликается и она смолкает, недовольная жизнью, тягучей зимой, и смотрит на птичник, мечтая о том времени, когда его откроют и можно будет возле кур едой поживиться да подразнить смешного волосатого старичонку — хозяина птичника.

Хозяин этот, дядя Кузя, шагает рядом со мной в подшитых валенках и оступается на узкой, плохо натоптанной дорожке. Он в полушубке, туго-натуго перетянутаго солдатским ремнём. Дядя Кузя немного косолапит, и валенки его стоптаны вовнутрь. Лицо у дяди Кузи кругленькое, морщинистое, и потому, должно быть, кажутся огромными усы, подкуренные трубкой. На узенькие, но зоркие глаза его напозла мохнатая рыжая шапка, неизвестно из какого зверя сшитая. Из-под шапки, под стать меху, рыжие вихры напоззают и на висках выются, образуя шикарные бакенбарды, которые вызвали бы зависть у молодых франтов, что ходят с гитарами по улицам городов. Но дяде Кузе эти бакенбарды совсем ни к чему. Тем более, что при всей такой буйной растительности под шапкой у дяди Кузи не растёт ничего — лысина там. И смех, и грех: разбрёлся дурной волос где не надо, а голова — как куриное яйцо.

Но деревенские остряки давно уже затупили языки обэту лысину и оставили в покое дядю Кузю. Возраст его уже не тот, чтобы смеяться над ним. Старость на селе всё ещё почитается, да и трудом вечным заслужил дядя Кузя почтение. Он пенсию уже заслужил и покой, но без работы не может. «Засохну, — говорит, — как корень без земли». Вот и прибился к птичнику.

Сыновья и дочери у дяди Кузи разлетелись по свету. Старуха померла позапрошлой осенью, и дядя Кузя вовсе на птичник перебрался из пустой, онемелой избы.



В то время птицеферма размещалась в стареньком полуразвалившемся телятнике. Как дядя Кузя ездил в город, требовал, ругался, писал жалобы вплоть до Москвы — долго рассказывать. Своего он-таки добился. Колхозные куры теперь живут в довольстве и тепле. Живут и не подозревают, что дядя Кузя из-за них испортил кровь не одному начальнику.

Вот и птицеферма. Дядя Кузя обметает голиком валенки, открывает передо мной дверь.

Служебное помещение, иначе говоря, кормокухня, куда мы вошли, была в середине дома. В кухне горит электричество, стены побелены, по углам стоят бочки и ящики с овсом, картофелем, речной галькой, жжёными костями и мелом. Посредине просторной комнаты широкая плита, а за ней, в углу, кровать, заправленная стёганым одеялом. Рядом с кроватью стол. К ножкам его приколочены тоненькие планки. Приколочены с таким расчётом, чтобы куры могли просовывать головы в щели.

В этом сооружении дремали три курицы. Одна из них бессильно уронила голову. Дядя Кузя тронул её пальцем.

— Ну, как ты тут, болезная? — спросил он и пояснил: — Госпиталь под столом-то. — Старик сокрушённо покачал головой. — Болеет птица, каждую зиму болеет. Нет того корму, что по науке полагается. Придется мне опять за удочку браться, витамин добывать.

Я с недоумением взглянул на дядю Кузю: причём тут удочки?

— Вы раздевайтесь, раздевайтесь. У нас тепло. Я чайшко поставлю. А насчёт удочек? Не говорили на селе, что я умом тронулся? Нет? Тут, брат, целая история... — Старик шевельнул усами, улыбаясь, вынул из-за печки ведро: — Иду свою публику кормить. Ежели интересуется, милости прошу.

Он зачерпнул из бочки полное ведро овса и шаг-



нул из кормокухни в левую половину птичника. Что там поднялось! Со всех сторон с громким кудахтаньем полетели куры. Одна курица, с тёмным кольцом на шее, уселась на плечо дяди Кузи.

Старик горстью разбрасывал вокруг себя овёс, и куры кружились белым водоворотом.

Шум, хлопанье крыльев, властные окрики петухов.

Дядя Кузя вытряхнул из ведра остатки овса, отошёл в сторону, и по полу рассыпался дробный перестук. Птицы успокоились и сосредоточенно работали клювами. Только курица с тёмным колечком на шее не слетала с плеча дяди Кузи. Она даже умудрялась дремать, поджав лапки.

Пока я привыкал к шуму, дядя Кузя успел заглянуть в ящики, прибитые к стенам, и набрал с десяток яиц.

— Начинают нестись курчонки, — с радостью отметил он. — Сей год пораньше начинают. Вот мы эти первые-то яички — в детсад, ребятишкам. Ешь глазунью, сорванцы, наводи тело!

Мы вернулись на кормокухню. Курица, сидевшая на плече дяди Кузи, ловко слетела в бочку с овсом. Там она неторопливо ощипалась и начала с выбором клевать овёс.

— Скажи на милость, какая фифа-единоличница! — удивился я.

— О-о, эта курица с ба-альшим характером! — протянул дядя Кузя.

Он спустил четыре вымытых яйца в котелок и поставил на огонь. Будто прислушиваясь к нашему разговору, курица перестала клевать и склонила голову набок.

— Про тебя, про тебя говорю, Касатушка, — кивнул ей головой дядя Кузя и, повернувшись ко мне, добавил: — Между прочим, она льготой пользуется не зазря — несётся усердно и балобана*

* Б а л о б а н — хищная птица, помесь сокола с ястребом.

помогла победить. Мы его артелью одолели. Да, да, вот эта самая курица заполонила ворюгу балобана, а я его уж доконал. Вижу, не верите. Я вам расскажу потом про такое... Вы думаете, ферма — это курочки да яички. Не-ет! Здесь, кроме всего прочего, приключений множество и, ежели хотите, есть даже борьба!

Дядя Кузя многозначительно поднял палец и хотел уже продолжать, но откуда-то из-за бочек и мешков вышел чёрный кот с обкусанным ухом, зелёными глазищами и, аппетитно зевнув, потянулся.

— Взять хотя бы этого кота. Думаете, так себе, обыкновенный кот, ухо драное, морда сонная. А он, может, на тыщу колхозного добра спас и несёт службу, как пограничник. Удивляетесь? — перехватил мой взгляд дядя Кузя. — Вокруг птичника и в самом птичнике, скажу я вам, сколько разного ворья! Ястребы тебе, хорьки, крысы, лиса опять же. Куры летом будто сквозь землю проваливаются. Зевни только — и готово дело...

Касатка выпрыгнула из бочки, оставив на золотистом овсе крупное продолговатое яичко. Не торопясь подошла к двери птичника и остановилась, выжидая.

Дядя Кузя открыл дверь и, выпуская Касатку к другим курам, добавил:

— Как я лису обманул, не слышали? О-о, было делов! Ладно, я старый солдат-партизан и обучен военным хитростям, она бы, змея рыжая, до се кур со двора таскала. Словом, подвигайтесь к столу, попотчую я вас чем бог послал, и тогда поговорим. Я люблю разговор. С курами разговариваю, да что с ними наговоришь, ко-ко-ко да ко-ко-ко — и весь тебе ответ и привет...

Дядя Кузя рассказал мне множество историй. Некоторые из них так мне запомнились, что я решил пересказать их вам.



АРТЕЛЬ ПОБЕЖДАЕТ БАЛОБАНА

Был солнечный весенний день. На свежей травке возле крайнего деревенского дома кормились куры. Они рыли землю лапами, червей, личинок клевали, а иные куры сидели просто так в пыли, млея от тепла и сытости. Вдруг с неба камнем упал балобан и бросился за дородной курицей с тёмным колечком на шее и золотистыми перьями в хвосте. Хохлатка юркнула в подворотню. Но балобан настиг её, вцепился в спину. Половина курицы оказалась по ту сторону ворот, половина — по эту.

Как раз в это время мимо дома шёл дядя Кузя. Ахнул дядя Кузя от изумления: балобан курицу когтит! Балобаны, сколь известно было дяде Кузе, питаются грызунами.

Дядя Кузя подскочил к воротам и пнул балобана так, что тот тряпичным мячом отлетел в сто-



рону. Глаза у хищника сверкали, клюв в крови, в когтях яркие перья, выданные из хвоста курицы.

Дядя Кузя погнался за балобаном, но тот медленно, будто нехотя, взмахнул почти полуметровыми крыльями и поднялся с земли.

И тут дядя Кузя заметил, что одна нога у балобана торчит в сторону.

— Ах ты, ворюга! — закричал старик. — Бандит ты! Колчаковец! Тебе уж ногу за кур переломили, всё одно неймётся... — И вдруг он шлёпнул себя ладонью по лбу: — Стой! Он и моих кур небось жрёт?! Ну, погоди! Ну, погоди!..

«Ну, погоди!» дядя Кузя повторял много раз, сначала грозно, потом задумчиво, а под конец вяло и растерянно. Что он мог сделать с балобаном, который отведал курятинки, понял, что она вкуснее каких-то там сусликов и мышей?

Ружья у дяди Кузи не было. Вольеру — забор из проволочной сетки — возле птичника не сделали. Куры-дуры разбредались в разные стороны и не успевали добежать до фермы, если на них бросался коршун или другой какой хищник.

Дядя Кузя зашёл в крайний двор и попросил раненую курицу у хозяйки:

— Может, выхожу её, а то будет маяться.

— Бери, — махнула рукой хозяйка. — Всё равно пропадёт. Спасенья нет от этого бандюги. Третье лето разбойничает, проклятый, возле нашего двора. Я уж его как-то косой подрубила.

«Вон, оказывается, отчего у балобана лапа-то клюкой сделалась», — думал дядя Кузя и, поглаживая курицу, наговаривал:

— Касатка, касатушка... Обидел тебя враг, поранил. Ну, погоди, попадётся он нам!

Вернувшись на ферму, дядя Кузя вытащил из ранок птицы пух, изломанные перья и смазал ранки жиром.

На «госпитальном положении» Касатка пробыла месяц и выздоровела. За это время она успела прижиться на птичнике и так привязалась к старику, что пришла к нему обратно после того, как дядя Кузя вернул её хозяйке.

Старик вёл с курицей «душевные разговоры», кормил и холил её. Из-за особых забот и догляду дяди Кузи Касатка сделалась грузной, степенной и красивой птицей. Может быть, поэтому, а может, потому, что Касатка была приметной, балобан снова выследил её, бросился ловить. Она отлетела в сторону и помчалась в раскрытую дверь птицефермы. Белый вихрь кур метнулся за ней.

Балобан оказался не только злым, но и упрямым хищником. Он влетел в дверь, промелькнул мимо опешившего дяди Кузи. Затравленная Касатка бегала по просторному птичнику вокруг печки, спасаясь от гибели. С криком и бранью ринулся дядя Кузя на балобана. Тот издал тревожный крик и лёгкой тенью выскочил в распахнутую дверь. Дядя Кузя за ним. Да разве птицу догонишь!

— Чтоб тебе ни дна, ни крыши! — грозил дядя Кузя балобану кулаком. — Чтоб тебе кость куричья поперёк горла стала, чтоб ты окошел! — Отругав балобана, дядя Кузя напустился на себя: — А ты, плешивый олух, чего думал? С ме-

тёлочкой побежал... Размахался! Дверь-то запирать кто будет? Вот тебе, полоротый! — При этом дядя Кузя сложил дулю и поднёс к своему же носу.

Касатка больше не решалась отходить далеко от птичника. Но и здесь, у самой птицефермы, в третий раз высмотрел её настырный балобан.

Дядя Кузя был в это время у речки. Заслышав шум в птичнике, он схватил черёмуховую палку и побежал что есть духу. На этот раз он уже не забыл захлопнуть дверь. Кривоногий балобан кричал пронзительно и гонялся за Касаткой.

— Лиходей! — гаркнул дядя Кузя и топнул ногою. Балобан вильнул вправо, влево, ринулся за печь, к дверям. — Попа-ал-ся-а! — лютовал дядя Кузя. — Я те угощу! Я те попотчую курятинкой!..

Голос старика прерывался. А куры, охваченные паникой, летали, кудахтали, хлопали крыльями, бились об окна, стены. Одна из них подвернулась на пути осатаневшего балобана и потащила за собой кровавый след. Хищник успел рвануть её когтями.

— Уконтромлю! Изничтожу! — закричал дядя Кузя и швырнул палку.

Палка хоть и не задела балобана, но оказалась пострашнее грозных криков. Балобан сложил крылья и тугим клином ударился в окошко, да угодил не в стекло, а в переплёт рамы. Резиновым мячом отскочил он, упал вниз, очумело затряс головой и застучал клювом.

Дядя Кузя схватил палку и начал молотить хищника так, что перья кругом полетели.

Уработался старик, выдохся. Присел на ящик с песком. Куры сбились в угол птичника, кудахтали, а петухи кричали. Когда сердце унялось, перестало сильно стучать, дядя Кузя дрожащими руками взял мёртвого балобана за крыло, отнёс к реке и повесил на черёмуху — для острастки, чтобы и другим разбойникам неповадно было за курами охотиться.

КАК ДЯДЯ КУЗЯ ЛИСУ ПЕРЕХИТРИЛ

Лиса повадилась таскать курочек ещё от старой птицефермы: старая птицеферма стояла ближе к лесу и речке.

Дядя Кузя долго ничего не подозревал. Летом пересчитать кур невозможно: некоторые из них ночевать оставались на улице.

Однажды старик отправился в лес наломать веник. Под пихтой он увидел белые перья, свежую кровь и лапку курицы, а на сучке валёжины заметил клочок шерсти, рыжей, с проседью. Взял старик шёрстку в руки, помял в пальцах.

— Так-так, значит, кумушка здесь промышляет. — И вздохнул. — Ну, эту мудрено изловить, это тебе не балобан. Хитрущая, старая лиса прикормилась...

Дядя Кузя не ошибся. Лиса и в самом деле охотилась очень осторожно. К капканам, поставленным дядей Кузей, она не подходила. Лишь иногда рано утром дядя Кузя замечал лису на опушке





леса или на полянке, возле стога сена, примётанного к ели.

Речка вытекала из леса. Она заросла черёмушником, ольховником, кустами смородины и тальника. Лучшего подхода для лисы к птицеферме нельзя было и придумать. Лиса бесшумной змейкой подкрадывалась к глупым молодкам и брала тех, которые отбивались от стаи.

Зимой началось строительство нового здания. Лиса боялась стука топоров, голосов людей и не подходила к птичнику. За это время исчезло несколько кур из дворов колхозников. Но попробуй узнай, кто их стащил, если вокруг деревни живёт, кроме лисы, множество всяких других хищников, любящих курятинку.

К весне новое здание птицефермы было готово, старое разломали, и вскоре на его месте выросли лебеда, крапива, лопухи. Молодые куры неслись в густых и уютных, с куриной точки зрения, зарослях. Дядя Кузя проклинал всё на свете, с кряхтением собирал яйца в колючем бурьяне.

Зато молодки перестали ходить к лесу. Им нравилось сидеть в бурьяне, хлопать крыльями, разгребать лапами рыхлую землю. Словом, наступило для лисы голодное время.

Томилась кумушка, томилась да и выбралась из поймы речки: видно, изголодалась вконец. Охотиться она стала нахально, отбросив всякие свои лисьи увёртки. От бурьяна к речке тянулась уже не одна полоска белых перьев.

Как-то раз на глазах у дяди Кузи лиса схватила петуха, спустившегося к речке напиться, и унесла в кусты.

Дядя Кузя хлопал себя по бёдрам, ругался, плевался, грозил кулаком вслед лисице и в сторону правления колхоза, которое не построило вольеру из проволоки. Правленцы заявили: не всё, мол, сразу; пусть дядя Кузя будет доволен пока и тем, что новый птичник соорудили.

Дядя Кузя отводил душу, ругая лису:

— Поймаю — шапку сошью из тебя, ведьма рыжая!

Но прошло лето, потом осень, наступила зима, и куры стали, по выражению дяди Кузи, жить дома, а лиса, целая и невредимая, бродила на воле, кружилась возле птичника по мягкому снегу. Манил кумушку запах курятинки. Но, как говорится, видит кошка молоко, да рыльце коротко!

Лиса даже тявкала — от досады, должно быть, — и с тоской глядела на птичник.

Дядя Кузя, наблюдая за рыжей гостьей, с ехидцей кричал в окно:

— Ну что, облизываешься? Облизывайся, облизывайся, голубушка, пока на воле! Всё равно скоро на моей голове будешь!

Старик кричал так, для успокоения души. Он уже испробовал все ловушки, взял даже ружьё в деревне, но подстрелить лису не мог.

Вот она, шапка, прыгает возле столба, мышей ловит, а попробуй надень её на голову!

Зимой на птицеферме заболели две курицы. Дядя Кузя напоил их рыбьим жиром, но было уже поздно. Однажды ночью обе курицы околели. Ветеринар вскрыл желудки птиц, и дядя Кузя вытаращил глаза: в желудке одной курицы оказалось два гвоздя длиной почти с безымянный палец, а у другой — тоже гвоздь и копеечная монета.

— Обратите внимание, — ветеринар поправил очки на приплюснутом носу, — монетка-то старая, из красной меди, откопали куры где-то и в спешке проглотили. Известно, как они бросаются на каждый предмет, напоминающий червяка...

— Ну, ржавый гвоздь можно принять за червяка, а копейку?

— Жадность! Какое же, однако, горло у птицы и какой мощный желудок! Обратите внимание: у монетки сработана резьба, чуть заметна цифра, а у гвоздей отсутствуют шляпки. Однако у куриного

желудка не хватило сил переработать ржавчину и медную окись. М-да, причина смерти ясна, но...

Ветеринар был молодой парень. Его в селе уважали, как толкового работника. Но ветеринар мечтал о научных открытиях и свои мысли, выводы, теории высказывал всем, кто подвернётся. Из-за этого старая вдова Федулиха, у которой квартировал ветеринар, называла его чумным. Ветеринар со страстью высказывал свои соображения дяде Кузе по поводу гибели кур. Старик сначала слушал учёного человека с глубоким вниманием, а потом сморил его сон, и он попросил ветеринара закругляться.

Ветеринар составил акт, приказал закопать птиц подальше от птицефермы и ушёл. Дядя Кузя облегчённо перевёл дух, завернул гвозди и монетку в тряпицу, чтобы завтра ошеломить деревенских жителей такими находками. Потом онпил чай и рассуждал сам с собой насчёт науки, которая способна свернуть человеку мозги набекрень.

Рано утром дядя Кузя дал корму птицам, открыл окна, чтобы проветрить помещение, и увидел лису. Она сидела возле столба и слушала, как бойко постукивают клювами куры.

— Сидишь? — спросил дядя Кузя. — Ну, посиди, поглотаи слюнки. Врёшь, ведь не выдержишь, когда-нибудь поближе подойдёшь... Стоп! — вскрикнул вдруг дядя Кузя так, что лиса обеспокоенно отскочила к речке. Смекнул чего-то дядя Кузя, довольнёхонько потёр руки и рассмеялся с ликованием: — Охмрю я тебя, охмрю! Будешь ты на шапке, кумушка-голубушка!..

Эту шапку старик видел и во сне и наяву. Он даже иногда ощущал её на голове, мягкую, теплую, рыжую и, самое главное, из той самой лисы, которая, по заверениям дяди Кузи, «выпила из него всю кровь, отняла полжизни и выудила из колхозной кассы миллион рублей».

Дядя Кузя побежал в деревню, обошёл почти

все дома. Наконец, в одной избе он отыскал моток рыбацкой жилки, выпросил её у хозяина.

Люди разводили руками, посмеивались над дядей Кузей. Чего, мол, это вздумалось человеку рыбачить на старости лет, да ещё зимой. Дядя Кузя никому ничего не объяснял, только возбуждённо наговаривал, привязывая жилку к лапке одной из мёртвых кур:

— И буду рыбачить, да ещё как рыбачить! Шапку поймаю — во!

Мёртвых кур дядя Кузя отнёс к столбу, положил в сухой, потрескивающий на ветру репейник. Жилку он размотал и один конец протянул через окно в птичник.

Лиса, видимо, почуяла что-то неладное и дня два совсем не показывалась.

Но вот следы человека засыпало снегом, и дядя Кузя увидел кумушку. Она бойко бегала у ручья, водила носом, однако приблизиться к столбу не решалась. На следующий день лиса снова выбежала на полянку: играла лапками, помахивала хвостом, прыгала, зарывалась носом в снег, вынимала оттуда мышек. Но что значит мышка или даже десяток мышей для такой старой, прожорливой лисы. Вон как у неё живот подвело!

— Подойдѐ-ошь, подойдѐ-ошь, не вытерпишь! — дрожа от нетерпения, шептал дядя Кузя, наблюдая за лисицей.

И всё-таки лисе удалось незаметно стащить мёртвую курицу — ту, что лежала чуть подальше от столба. Но старик не особенно досадовал на это, скорее даже обрадовался.

— Ага, клюнула! Попробовала кумушка курятинки! Идѐт дело. Скоро будет у меня шапка! — с этими словами дядя Кузя взял жилку и подтянул вторую курицу метра на четыре поближе к птицеферме.

Лиса, очевидно, заметила его, затаилась в кустах; смотрела, принюхивалась. Человеческих сле-

дов нет, как же тогда курица переметнулась с одного места на другое? Что за оказия?

А ветер пошевеливал перья курицы, и это раздражало лису. Она не могла долго выдержать, стала приближаться к мёртвой птице. Она кружила по поляне, ныряла в мышиные норки, убегала в кусты и снова появлялась.

Прошло уже четыре дня с тех пор, как дядя Кузя положил приманку. Близко она лежала, дразнила лисицу. Кумушка беспокойно шныряла по бурьяну, репъёв в шерсть понацепляла, не успевала зубами их вынимать.

Снова явилась на поляну. Подкралась к столбу и опрометью обратно. Так целое утро, словно забавляясь, прыгала туда-сюда лисица, хитрила. Дядя Кузя наблюдал этот спектакль, посмеивался, бегая от окна к окну.

Ночью подтянул приманку ещё ближе.

Лиса нервничала и беспокоилась всё заметней. Она даже перестала мышковать вблизи птицефермы. Дядя Кузя вёл её как привязанную, вёл на ниточке. Вот уже метров на семьдесят подвёл. Но глаз у дяди Кузи немолодой, ружьишко худенькое, из него надо бить близко и наверняка.

Прошёл ещё день. Лиса измучилась, да и дядя Кузя выглядел неважно. Он мало спал ночами, совсем лишился аппетита.

Можно было только удивляться, откуда взялось у такого суетливого старика столько терпения! Шапка, должно быть, шапка была всему причиной. Наконец-то подтянул дядя Кузя мёртвую птицу метров на сорок и оставил.

Заряженное ружьё стоит в углу. Из рамы вынуто одно звено стекла. Дядя Кузя между делом наблюдает за крадущейся лисой.

Плотно приныкая к снегу, прячась за бугорки, выползла, наконец, она из бурьяна, огляделась, а потом подбежала к мёртвой курице, цап её — и назад. Но щёлкнул в морозном воздухе выстрел, и су-

нулась лисица седым носом в снег, будто за мышкой. Подёргала ногами, вытянулась, затихла.

А от птичника торопился дядя Кузя в одной рубахе, без шапки. Он черпал снег голенищами валежков и прерывающимся голосом выкрикивал:

— Ага-а-а-а! Попала-ась! Которая куса-алась! Сколько вор ни ворует... Попила кровушки! Шапка! Шапочка! Зря говорить не стану!..

Так дядя Кузя перехитрил лису, а я узнал, откуда у старика рыжая шапка. Сшил он её собственноручно. Шапка получилась не очень модная, но всё-таки дороже всех шапок она старику. мех-то для неё он сам добыл.

ДЕСЯТНИК, РЫБАК И ЕЩЁ...

При знакомстве дядя Кузя заявил, что на ферме случается множество всяких приключений. Однако не из одних же приключений жизнь состоит.

Главное-то в жизни не приключения, а труд. А уж чего-чего, но работы у дяди Кузи хватало и хватает.

Сколько хлопот, к примеру, было, когда новый птичник в колхозе сооружали!

Строила новое здание бродячая артель плотников. Вроде бы дядя Кузя тут ни при чём, но ему до всего дело, за всем он должен уследить, потому как человек он непоседливый. А тут ещё и плотники подрядились непутёвые.

За три недели они сделали сруб, расчистили площадку и наладились уже помещение «на мох ставить». А «на мох ставить» — это значит собирать заготовленный дом.

Пришёл однажды дядя Кузя к срубам, долго оглядывал его со всех сторон и вдруг зашумел:

— Вы что же это, мошенники, делаете, а?

— Чего обзываешься, старик?

— Обзываюсь?! Да я лупить вас скоро начну за такую работу! — гремел дядя Кузя, наступая на бригадира.

— Кто ты такой? Что за указчик?

— Не указчик, а заведующий фермой, — отчеканил дядя Кузя, — этой самой фермой, которую вы ладите и которую я у вас не приму!

— Ну-ну, эти шутки ты брось! Видали мы таких! Ишь, на бабью должность затесался и ещё задаётся.

— Я-а-а! На бабью!.. — задохнулся дядя Кузя. — Я-а, на бабью!..

И пошёл старик честить плотников, и пошёл. Плотники сперва только посмеивались, но когда



дядя Кузя пригрозил пожаловаться товарищу Красногрибову, струсил. Товарищ Красногрибов — районный финансовый инспектор — был грозой всех спекулянтов и разных там любителей даровых денег.

— Ладно, ладно, переделаем, всё переделаем: и пазы углубим у брёвен, и стойки другие поставим, и моху ещё подвезём.

С этого дня плотники стали делать всё так, как хотел и как велел старик. Были они с ним очень обходительны, любезны и льстиво называли его десятником.

Придут, бывало, утром на работу, сядут покурить и скажут:

— А где же это десятник-то наш? Неужто проспал?

— Здесь я, здесь, — отзывался дядя Кузя из сруба и вылезал в окно, весь в стружках и клочьях моха: это он раньше всех явился и всё проверил.

— Как работа? — спросят, бывало, плотники.

— А чего — как? — невозмутимо ответит дядя Кузя. — Коли немножко получше, так и было бы в самый раз. Глаз да глаз за вами нужен.

И так вот до самой весны, покуда не было закончено строительство, ходил дядя Кузя в должности десятника, но зато уж помещение птицефермы получилось на славу: тёплое, светлое, просторное. А плотники, получая расчёт за работу, жаловались председателю:

— Ну, брат, давненько мы такого тяжёлого строительства не производили, давненько...

Дядя Кузя находился в это время здесь же, в бухгалтерии колхоза, и только кашлянул да хитровато переглянулся с председателем, как бы говоря: «Ну, этих мы маленько поучили честно работать».

Но застрял, как заноза, в мозгу дяди Кузи упрёк в том, что он бабью работу исполняет. Прямо за самое нутро задело это старика. Начнёт дядя Кузя топором орудовать, ну, там корытце новое

сколотит, или подправит ящички, или дрова колоть возьмётся, и приговаривает:

— Вот те и бабья! Вот те и бабья! Пусть какая баба так изладит.

Но всё это не успокаивало дядю Кузю. И тут пришло ему в голову такое, чему вся деревня поразилась.

Яйца дядя Кузя собирал в ведро. На других фермах, где в основном работали женщины, яйца тоже собирали в вёдра, и никого это особенно не беспокоило — было бы что собирать.

Однако дядя Кузя решил это дело механизировать и принялся сооружать автотягесборочный агрегат. Он сыскал в кузнице четыре небольших железных колеса, приделал к ним оси, а затем связал их рамой. На рамы поставил два квадратных ящика и разбил их на ячейки так, что ящики стали походить на пчелиные соты. В каждый такой сот по расчёту и умыслу дяди Кузи нужно было класть яйцо.

Куры в птичнике сначала испуганно разлетались при виде агрегата, который скрипел, позвякивал и трещал на ходу, но дядя Кузя смазал своё сооружение дёгтем, и куры скоро привыкли, перестали шараться.

Приходили люди глядеть, хвалили старика.

Дядя Кузя, млея от удовольствия, набивался с одним и тем же вопросом:

— Ну, скажи ты, добрый человек, какая женщина может такую штуку смастерить либо выдумать?

Потакая честолюбию старика, люди говорили:

— Да где там женщине! И мужику-то не всякому подسىльно такое. Тут должна мысль работать в особом направлении.

— Вот то-то и оно, — удовлетворённо подхватывал дядя Кузя. — А иные люди говорят...

Но кто эти иные и что они говорят, дядя Кузя не разъяснял.

В последнее время дядя Кузя занялся рыбалкой. Никогда односельчане не замечали за ним пристрастия к рыбной ловле, а тут на тебе — всё свободное время пропадает старик на льду и подёргивает коротенькую, ровно бы игрушечную, удочку.

— В детство ударился старик, — заключил председатель колхоза, узнав об этом. — Надо будет замену ему подыскать, а то он всю птицеферму проудит.

Но зря говорил председатель, зря. Именно из-за птицефермы и сделался дядя Кузя рыбаком. Услышал он однажды совет столичного знатока сельского хозяйства скормливать больным курам сырое мясо или рыбу.

— Хорошо вам, сидя в Москве, рассуждать, кому и что скормливать, — буркнул дядя Кузя. — А где я рыбу-то возьму?

Но всё-таки запали старику эти советы. «Иной раз и путное по радио говорят», — рассудил дядя Кузя.

Однажды спустился он на реку. Там каждое воскресенье собирались городские рыболовы. Ни мороз, ни пурга им нипочём. Сидят себе на ящичках возле лунок, ровно колдуны.

У ног их валяются растопыренные от холода окунишки с побелевшими глазами, плотички и подлещики. И до того рыбаки заоченели, что руками уж плохо владеют.

— Это что же, братцы милые, заставляет вас такую кару переносить? — посочувствовал дядя Кузя.

— А ты попробуй порыбачь и узнаешь, — посоветовали ему рыбаки.

«Нет, — подумал дядя Кузя, — такие страдания на себя ни за что не приму».

И всё-таки попробовал.

В ту зиму куры сильно болели авитаминозом, и «госпиталь» у дяди Кузи под столом был всё

время переполнен. Старик выхаживал больных кур как детей родных, и часто сокрушался, глядя на них:

— И что это за оказия в природе? Откуда эти болезни берутся? Кура — самая безвредная птица — и та страдает.

И решил дядя Кузя, что уж лучше самому страдать, чем смотреть, как мучаются беззащитные птицы.

Жилка у него осталась ещё от охоты на лисицу. Палочку он вырезал в лесу, а блесенок ему дали городские рыбаки. И пошла работа. Каждый свободный часок дядя Кузя выбегал на лёд. Выдернет десяток-другой рыбёшек — и на ферму. Куры их моментом склюют и тянут головы из-за планок стола — ещё просят. На глазах поправлялись и веселели больные куры, некоторые стали даже ходить; прихрамывая, правда, но всё-таки ходили.

Как-то раз пришёл председатель и не застал на месте дядю Кузю. Глянул в окно — старик на реке.

— Ну и ну, ослабоумел, видно, старик. Рыбку удит!

Придирчиво осмотрел председатель птичье хозяйство. Никакого запустения нет, всё как будто в порядке. Но председатель решил всё-таки дождаться старика и сделать ему внушение. Куда это годится: старый человек, при должности, и на тебе — пустяками занялся.

Но когда узнал председатель, зачем мёрзнет на льду дядя Кузя, отпала у него охота совестить старика. Он только глянул на дядю Кузю и сказал:

— Радетель ты колхозного добра, Кузьма Варфоломеевич, большой радетель. Вот если бы все такие были, так наш колхоз давно из прорухи вышел бы и миллионером сделался.

Дядя Кузя сконфузился от таких слов, засуетился, а председатель задумался и прибавил:

— Однако рыбу удить тебе не след. Просту-

дишься, захвораешь. Завтра выпишу со склада мяса для твоего госпиталя. А удочку брось.

С тех пор выдают на птичник сырое мясо, и даже тресковое филе в магазине как-то закупали. Куры на птицеферме теперь болеют меньше. Раньше болели десятками, а теперь одна-две за зиму. Но рыбалку дядя Кузя забросить уже не в силах. Тайком-тишком, конфузливо озираясь, раненько утром или поближе к вечеру спустится он на реку, продолбит луночку и сидит, сидит.

Городские рыбаки иной раз посмеиваются над ним:

— Ну как, Кузьма Варфоломеевич, узнал, что такое рыбалка?

— Узнал, узнал, чтоб вам ни дна и ни крыши, откуда вы взялись на мою голову! — ворчал дядя Кузя, а сам не спускал глаз с кончика удочки, ёжилась от холода и потряхивал, потряхивал блесёнку.

Говорят, охота пуще неволи. Как видите, рыбалка — тоже.

МИЛАХА И КОТ ГРОМИЛО

Свирепее, прожорливее и коварнее всех вредителей на птицеферме была крыса с желтоватой, будто подпалённой шерстью на спине и с коротким хвостом. Должно быть, ещё во времена разгульной молодости она лишилась половины хвоста — может быть, оторвали его крысы в драке, а может быть, в капкане оставила.

Эта крыса держала в страхе всех обитателей птичника. Мыши разбегались по сторонам, когда появлялась среди них толстая мордатая особа. Она была грозной владычицей тёмного царства, которое наперекор всем законам существовало под полом. Дядя Кузя слышал иногда шум, возню под половицами. Шум этот перекрывался властным визгливым голосом. После драки по углам долго и жалобно скулили крысы.

Куцехвостую крысу дядя Кузя прозвал Милахой.

Со стороны могло показаться, что отношения дяди Кузи и Милахи самые любезные и мирные. Но это лишь со стороны. На самом же деле они люто ненавидели друг друга. Милаха ненавидела дядю Кузю за то, что он подрывал её авторитет в крысином коллективе. А дядя Кузя ненавидел грозную атаманшу за то, что вот уже много лет она вместе со своей шайкой безнаказанно грабит колхоз. Шайка с каждым днём увеличивалась, а сама Милаха становилась наглей и развязней.

Отраву крысы не трогали. Видимо, их предводительница знала, что значит эта коричневая, с виду аппетитная масса. В капканы попадали только глупые мышки. Дядя Кузя понимал, что вся беда в Милахе. Стоит лишить банду главаря, в ней начнутся разлады, и она неминуемо погибнет.

Когда дядя Кузя приходил кормить кур, вся крысиная и мышьяная семья рассыпалась по углам,

шмыгала в норы и затихала. Но Милаха спокойно бегала по птичнику, ела из корытцев, не обращая ни малейшего внимания на старика.

— Кушаешь? — сдавленным голосом спрашивал дядя Кузя. — Ну-ну, кушай, гуляй, может, и подавишься.

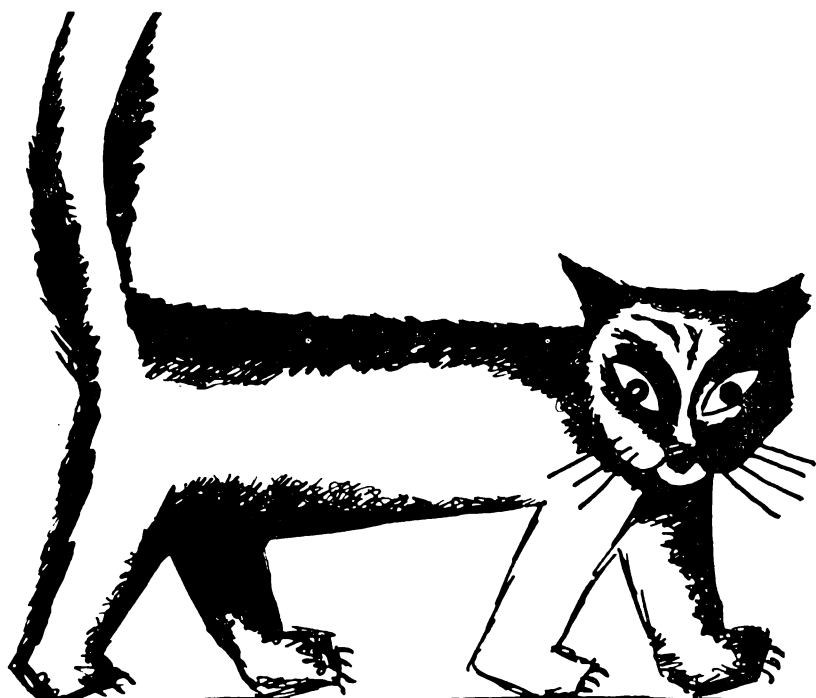
Милаха переставала есть, поворачивала голову на голос и злобно ощеривалась.

Старик принимался собирать яйца из ящичков и как будто ненароком подвигался с автотягачом к Милахе. Но тактика эта была настолько стара и примитивна, что крыса даже не торопилась исчезать. Когда расстояние между нею и дядей Кузей сокращалось шагов до пяти, она не спеша, нахально повиливая толстым задом, уходила в нору. Там сию же минуту раздавался жалобный писк. Милаха срывала злобу на «подчинённых» и для острастки или по каким другим соображениям кусала их.

А дядя Кузя, ударив об пол шапчонку, топал ногами, плевался, воздевал руки к потолку, призывая бога, боженят и всю небесную канцелярию или его успокоить смертью христианской, или покарать «нечистую силу».

Но вот перебрался дядя Кузя со своей беспокойной «публикой», как он называл кур и петухов, в новое здание птицефермы и облегчённо вздохнул. Всё! Ушёл от прожорливой банды. Однако дядя Кузя поспешил успокоиться. Уже через три дня он услышал под полом беготню, резкий и, как показалось старику, озабоченный голос Милахи. Дядя Кузя чуть не заплакал от бессильной ярости.

А ночью по всему птичнику разносился треск, шорох, скрежет. Это многочисленные хищники, возглавляемые Милахой, грызли пол, копали норы, устраивались в новом помещении со всеми удобствами. Они сильно изголодались за последние дни, да и работа оказалась тяжёлая: пришлось грызть крепкие половицы и брёвна. Ворвавшись в



новый птичник, мыши источили овёс в бочках и ящиках, оставив вместо него мякину. Крысы загрызли насмерть несколько больных кур. А в скором времени обнаружилось, что они губят не только птицу.

Как-то вечером сходил дядя Кузя в баню, попарился и, усталый, разомлевший, побрёл к себе на птичник. Здесь он подстриг усы ножницами и причесал волосы перед кругленьким зеркальцем, выключил радио, прилёг на кровать и задремал.

Разбудил его какой-то подозрительный шорох.

Дядя Кузя подумал, что это по стенам бегают мыши. Они любят из пазов выдёргивать мох и делать там потайные ходы и лазейки. Но вместо мышей дядя Кузя увидел Милаху. Она торопливо забралась по стене в нижний ящик, один из тех, куда дядя Кузя выкладывал яйца из агрегата, перед тем как сдать их в кладовую колхоза. Милаха обнюхала яйца и, ухватив одно из них лапами, потащила к краю.

Дядя Кузя притворился спящим: прикрыл глаза и стал даже похрапывать. Милаха осмотрелась, пошевелила седыми усами, прикинула расстояние до пола и вдруг, повернувшись, упала на спину. Удержать яйцо она не сумела и выпустила его из лап. Яйцо треснуло и разбилось.

Дядя Кузя думал, что это только и нужно крысе, но ошибся. Она что-то посоображала и проворно юркнула под пол.

Через минуту атаманша появилась в сопровождении трех «подчинённых». Они легли на спину в ряд, а Милаха забралась в ящик, подкатила к краю яйцо, прицелилась и сбросила его на мягкие животы крыс. Те вскочили и моментально укатали яйцо под пол.

Вскоре они вернулись, и всё повторилось сначала.

Дядя Кузя не выдержал:

— Ловко, в чаю плавает верёвка!



Крысы бросились врассыпную, оставив на полу яйцо. Дядя Кузя взял его в руки, осмотрел и задумался. Он давно подозревал, что крысы таскают яйца, но как они это делают, ни разу не видел.

Утром дядя Кузя пошёл в правление колхоза, чтобы рассказать о проделках крыс. Здесь любили слушать о происшествиях на птицеферме и часто спрашивали старика:

— Ну, как там Милаха твоя поживает?

Тот всегда со смешком отвечал:

— Живёт, колхозный хлеб жуёт, что ей?

Но в этот раз дядя Кузя был хмур и на обычный весёлый вопрос отозвался без смеха:

— Она живёт и не один хлеб жуёт.

Сообщению многие не поверили. Однако нашлись люди, которые начали рассказывать о крысах ещё более занятные истории, например, о том, как в одном магазине крысы через соломинку выпили красное вино из бочки, а следователи обвинили в этом завмага... Словом, разговор пошёл интересный, но дядя Кузя, к удивлению всех, не подержал его и даже резко оборвал:

— Надо подумать, как колхозное добро сохранить, а вы сказками занимаетесь.

— Ну-у, это не по совести, тебе врать не мешали, — обиделись рассказчики.

Тогда дядя Кузя взорвался: раз так, больше он на этот проклятый птичник не пойдёт, а пусть туда отправляется председатель. Милаха со своей компанией быстро доведёт его до припадков. Уж на что он, дядя Кузя, железный человек, а нервы и у него до того расшатались, что он за себя порой не ручается. В подтверждение этого дядя Кузя так хватил дверь, что со стола бухгалтера упала чернильница.

Днём на птичник заглянул председатель колхоза. Дядя Кузя показал ему разбитое яйцо, испорченный пол, множество нор. Под конец пожаловался, что свои харчишки вынужден уносить на улицу

и есть мёрзлый хлеб. А с его зубами и свежий не разжуёшь. Председатель первый раз слышал от дяди Кузи жалобу на «личное» и поэтому изумился:

— Да это и в самом деле беда! — И, подумав, предложил: — Слушай, возьми хоть на время нашу Муську, она, правда, ленива, но, говорят, крысы, а особенно мыши, кошачьего запаха боятся.

Председателя кошка Муська оказалась не только ленивой, но и трусливой. Она не выдержала на птичнике и одной ночи.

Сначала она принюхивалась, хвостом помахиwała. Но вот стемнело, подняли крысы возню под полом, завизжали, забегали.

Муська — под кровать.

Однако и там ей показалось жутковато. Она прыгнула к дяде Кузе на постель, но была с презрением вышвырнута оттуда.

Дядя Кузя ругал её последними словами, а председателя нещадно срамил за то, что тот держит в доме такую бесполезную скотину и вырастил на колхозных хлебах буржуйскую барыню.

Утром Муська подошла к двери и замыкала: отпустите, мол, ради бога, тут пропадёшь! Дядя Кузя открыл дверь, пнул напоследок гладкую кошку и плюнул ей вдогонку.

Вскоре дядя Кузя поехал в город на рынок и увидел там бездомного тощего кота, с одним ухом и дикими глазами.

Кот шлёлся по рынку, учинял дерзкие налёты на мясные ряды и на глазах у публики схватил воробья, дремавшего под крышей молочного павильона.

Люди махали руками, топали, пытались утратить бродягу.

Кот устроился на перекладинке, и оттуда на головы базарных торговков полетели перья.

Съев птичку, кот утёрся лапой и занялся даль-

нейшим промыслом, а дядя Кузя, хватая соседей за руки, с восторгом кричал:

— Вот это ко-от! Это громи-ило! Мне бы такого на ферму.

— Так возьми, кто тебе не велит? Весь рынок из-за него горько плачет.

— Где ж такого поймашь? — с уважением сказал дядя Кузя. — Он, небось, столько бит, что людей пуще огня боится.

Но всё же дядя Кузя отыскал на рынке мальчишек и пообещал им рубль за доставку кота. Через полчаса мальчишки принесли дяде Кузе базарного пирата и, показывая исцарапанные в кровь руки, потребовали:

— Добавляй, дедушка, ещё монетку, чать, пострадали.

Дядя Кузя добавил монетку — двадцать копеек.

Так бездомный кот очутился на ферме и получил с лёгкой руки дяди Кузи грозное имя — Громило.

Коту на птицеферме понравилось. Он огляделся, для зачина стянул со стола кусок сала, умял его тайком и завалился спать в бочку с овсом.

Дядя Кузя за сало кота не ругал, не наказывал. Он выслуживался перед этим бездомным бродягой, старался размягчить его ожесточённую душу лаской и заботой. Он даже попытался погладить кота, но тот всадил когти в руку старика. Дядя Кузя стерпел и это. Он готов был пойти на любые унижения и муки ради того, чтобы кот прижился на ферме.

Выспавшись, Громило полакал воды, зевнул и вдруг мгновенно преобразился. Хвост его начал бесшумно перекаладываться из стороны в сторону, как руль. Шея укоротилась. Он сжался, напряжился и сделал неожиданный бросок в угол, к бочкам. Раздался писк, и через минуту Громило появился с мышью в зубах.

Глаза его горели беспощадным зелёным огнём!

Нет, он не играл с пойманной мышью. Этому суровому бойцу не было известно, что в мире существуют развлечения. Зато Громило хорошо знал, что такое голод. Не успел он распорядиться добычей, как снова насторожился и снова сделал прыжок.

Дядя Кузя тихо ликовал:

— Всё! Пропала банда! Кранты!

Утром дядя Кузя обнаружил возле печки кучу мышей. Были они всяких мастей и пород. Сам кот Громило с подозрительно раздувшимся животом дремал на плите, утомлённый ночной работой.

Дядя Кузя не стал даже чай разогревать, чтобы не беспокоить охотника. Он схватил бутылку и бесшумно выскочил из птичника.

Через час старик вернулся из деревни с молоком. За это время все колхозники успели узнать, что в здешних краях появился кот Громило, который наведёт порядок не только на ферме, но и во всей деревне.

Дядя Кузя налил в консервную банку молока и, когда кот проснулся, робко попросил:

— Попил бы молочишка на верхосытку.

Громило не заставил себя упрашивать, вылакал всё молоко и забрался в бочку с овсом — досыпать.

Ночью он снова промышлял.

Затихли визги под полом, прекратилась возня и беготня.

Крысы и мыши попали в осаду, воровали редко, жили в постоянном страхе, вскрикивали по ночам. Наверное, являлась им во сне светящаяся жуткими зелёными огнями морда кота Громилы.

Порою ходил Громило с дядей Кузей в птичник, где не совсем равнодушно поглядывал на кур.

Дядя Кузя однажды укорил кота:

— А что, брат, Милаху-то не берёт твой зуб? Мышками да крысятами развлекаешься. Ты вот

излови её, анафему, тогда будешь соответствовать целиком и полностью своему имени.

Но враг ушёл в подполье, не принимал открытого боя. Тогда дядя Кузя зацементировал все дыры в обеих половинах птичника и оставил всего одну, в кормокухне. Это значительно облегчило работу коту Громиле.

Милаха не показывалась. Но в том, что она жила и действовала, не было никакого сомнения. Иногда под полом возникала борьба и снова слышался резкий, как скрип пилы, голос старой атаманши.

Громило уже знал этот голос. Он настораживался, шёл к норе, шевелил хвостом и дежурил, дежурил. Иногда у норы поднимался визг, хрип, шум, и Громило оттаскивал к плите мёртвую крысу.

Дядя Кузя бежал посмотреть, но это оказывались всего лишь «подчинённые» Милахи, которых она, видать, высылала на разведку.

Кот Громило отъелся настолько, что его можно было, хотя и под сомнением, пускать одного к курам. Дядя Кузя однажды закрыл кота в птичнике.

Среди ночи в той половине, где был оставлен Громило, поднялся переполох. Куры хлестали крыльями, петухи орали. Дядя Кузя сунул ноги в валенки и поспешил туда.

В полутёмном углу птичника, под ящиками несушек, он обнаружил искусанного, окровавленного кота Громилу. Кот старательнолизывал раны. Поодаль от него валялась с растерзанной головой Милаха.

Громило даже не глядел на неё.

Дядя Кузя склонился над израненным котом. Не решаясь погладить или приласкать его, старик лишь словами выражал свое восхищение:

— Громилушко! Воин ты великий! Изничтожил ты гада-вредителя!.. Тыщи ты колхозные спас, и полагается тебе за это большая премия в виде

молока и рыбы. Дают же премии пограничным собакам за верную службу? Дают. Так вот и для тебя я стребую. Если не стребую, значит, я не старый красный партизан, и пусть меня тогда прогонят с должности заведующего фермой в шею.

Премию Громило получил. Слух о героическом коте облетел все окрестные деревни. Люди приходили дивиться на кота Громилу, целым классом прибывали школьники. Учитель написал о коте Громиле поэму, но её забраковали в районной газете, ответили, что газета отражает героические дела людей, а не животных. Из-за этого районная газета потеряла ещё одного читателя: дядя Кузя перестал подписываться на неё.

КУРА — ДУРА, ДЯДЯ КУЗЯ — МОЛОДЕЦ!

Всякое в жизни бывает. Работал дядя Кузя на птичнике, кур разводил, с врагами разными боролся — и на тебе! — пришлось ему агитацией заниматься.

Прошлая осень на Урале была очень... вот так и напрашивается слово — капризная. Но какой уж тут каприз! Каприз — это когда человек не хочет манную кашу есть, или шаньгу с творогом, или утром вставать в школу, или... да мало ли какие капризы бывают.

Но когда в сентябре, в так называемое бабье лето, начинает валить густой, рыхлый снег, валить среди бела дня на неубранные хлеба, на картошку, на свёклу и морковь — это уже не каприз, это бедствие.

Урожай убирать трудно. Коров на пастбище не погонишь, значит, питаться они должны теми кормами, которые на зиму заготовлены.

Казалось бы, какое отношение всё это имеет к птичнику? Оказывается, самое прямое и пренеприятное. Вместо того, чтобы бродить на воле, рыться в ворохе листьев, на огородах, где так много корма бывает после уборки в добрую осень, куры жмутся под навесом. Сидят куры нахохлившись, упрятав головы под крыло: дремота, леность одолевают их. А раз курица ленится, не работает — значит, и нестись не будет, это уж точно.

Вот в такой-то слякотный день дядя Кузя вышел из птичника, глянул на небо, непочтительно помянул «небесную канцелярию», потом на хохлаток взглянул. Затаились хохлатки, прижались одна к другой: вместе теплее. Одна курица до того заспалась, что с завалины свалилась. Захлопала она крыльями, возмущённо закудаhtала, да так внизу и присела — неохота ей снова на завалинку взлетать. Петух глянул на неё сверху, приоткрыв один глаз, и как-то знобко, старческим горлом про-



скрипел: «У-ух, кура-дура, вовсе обленилась...» — И сам тут же сомлел, засыпая.

Привык дядя Кузя к шуму и беспокойству на птичнике. До того привык, что тошно ему стало смотреть на всю эту картину.

— Дрыхните, окаянные, дрыхните! — рявкнул он. — А чем я вас кормить буду?

Куры в ответ только слегка колыхнулись. Плюнул дядя Кузя с досады и пошёл к председателю — требовать корм птицам.

Председателя он отыскал на дальнем поле возле тракторов. Несмотря на непогоду трактористы работали, таская машинами прицепы.

Выслушал председатель дядю Кузю, на пенёк присел и задумался. Потом поднял усталые глаза:

— Ты слышал про человека, у которого голова пухнет?

— Ну, слышал.

— Так это я. Голова у меня, как перезрелая тыква, скоро развалится.

— Ну и что из того, — возразил дядя Кузя. — Твоя голова за всё в ответе. Оставишь без корму птицу — ещё шишек тебе на голову посадят.

— Посадят, — уныло согласился председатель, — и не одну. А всё-таки ты от меня отвяжись. У меня не только твои куры на уме. У меня хозяйство...

— Кура — тоже хозяйство.

— Слушай, Кузьма Варфоломеевич, добром тебя прошу — исчезни! Отдадим половину кур на мясозаготовки, и все дела.

— Чего-о? Чего-о? — насторожился дядя Кузя. — Я всё лето цыплят чуть ли не в шапке вынашивал, а вы их на мясозаготовки?! Да я тебя самого вместе с правлением отправлю на мясозаготовки!

Председатель бросил с досады окурок и пошёл от дядя Кузи прочь. А тот семенил за ним и бушевал. Председатель не выдержал, остановился и сказал, подняв глаза к небу:

— Ну, мокропогоди свалилась, ну, снег... Ну, всё выдержу, но только не старика этого! Извёл, нечистый дух! Начисто извёл! Я уж скоро сам попетушиному закукарекаю. — И с мольбой к дяде Кузе: — Кузьма Варфоломеевич, окаянная ты душа, выходи из положения сам, ты же старый партизан, придумай чего-нито...

И дядя Кузя придумал. Он заявился среди уроков в школу, протиснулся в класс и, робко стащив с головы шапку, кашлянул, чтобы обратить на себя внимание учителя.

— Вам чего, Кузьма Варфоломеевич?

У дяди Кузи сразу перехватило в горле:

— Хочу речь сказать...

Учитель улыбнулся, ребята в классе зашевелились и выжидательно замолкли. Они знали потешного старика и любили его слушать. А дядя Кузя оттеснил в сторону учителя и достал из кармана яйцо. Свеженькое, чистенькое яйцо, чуть розовеющее изнутри. Он поднял высоко над головой это самое яйцо и спросил:

— Что есть это?

— Яичко, — ответили ребятишки, делая по-уральски ударение на букву я.

— Правильно, в точку! — ответил дядя Кузя. — А что требуется для того, чтобы его курица снесла?

— Петух, — раздался неуверенный голос с задней парты, и по классу прокатился смешок.

— Ну, петух, это понятно, это само собой, — смешался дядя Кузя. — Положим, петух сам по себе горлопан и только в лапшу годится. А что ещё наиглавнейшее требуется птице?

— Пища, — нашёлся кто-то из ребят.

— Во! — обрадовался дядя Кузя. — Опять в самую точку! А какая пища? Откуда и зачем?

И тут дядя Кузя произнес ту речь, о которой до сих пор помнят на селе. Дядя Кузя бил себя в грудь кулаком, бил шапкой об пол, призывая моло-

дое поколение «пойти на прорыв и спасти кур, а они на заботу ответят делом».

На другой день после уроков к птичнику привалила целая ватага ребятишек, и пошла работа. Ребята копали морковь, свёклу, картошку и засыпали её в колхозный подвал. Там дядя Кузя отгородил два больших отсека специально в «фонд птичника».

Затем ребятишки сушили и веяли овёс, утепляли здание птицефермы. И, когда уже казалось, что вся работа сделана, дядя Кузя отыскал им новое хлопотное дело — собрать по всей округе кости и навозить с реки гальки и песку.

— Нет привередливей скотины на свете, чем курица, — терпеливо разъяснял ребятам дядя Кузя. — Она требует полного рациона. Вот глядите сюда, — тащил он ребятишек в птичник и показывал печь, издолбленную клювами кур. — Почему курица клюёт кирпич, залетевши почти под потолок? Может, озорует, как вы в школе? Нисколько. Брюхо у ней с запросами. Брюхо её, куричьё, требует всяческих разносолов: известку, овёс, овощ, даже мясо сырое или рыбу. И вот из этих-то... — Дядя Кузя мучительно наморщился, вспоминая учёное слово, слышанное по радио, — вот из этих-то компонентов и образуется яйцо.

Спал ли в те дни дядя Кузя — никому не известно. Если и спал, то час-два в сутки. Он старался всюду успеть. Подбодрить словом «молодое поколение», доглядеть, чтобы ребята не озорничали на птичнике, чтобы ссыпали куда надо гальку, песок, да не подпалили бы птичник, сжигая кости.

С этими костями получился непредвиденный конфуз.

В деревне и в округе их оказалось мало, а норму дядя Кузя установил на каждого ученика не меньше трёх кило. Некоторые ребятишки даже костяные бабки принесли и сдали. Иные вовсе ниче-

го собрать не сумели. А старик взял каждого на учёт и требовал выполнения нормы.

Котьке Пичугину не повезло: он не сумел сдать ни одного килограмма. Ребята подсмеивались над ним, а дядя Кузя, хитровато щурясь, говорил:

— Ничего, ничего, Котька — парень глазастый, он ещё всем на диво кость сыщёт.

И Котька действительно приволок такую кость, что у самого дяди Кузи глаза на лоб полезли. Кость была в столб толщиной, коричневая, как орех, с чёрными пятнами. Дядя Кузя сначала принял ее за гнилую корягу. Но кость гудела при ударе и не рассыпалась.

Стали расспрашивать Котьку, где он добыл такую диковину.

Котька помялся и рассказал.

В пяти километрах от села, возле той самой речки, к которой жалась птицеферма, летом работал экскаватор, добывал глину для кирпичного завода. И раскопал кости мамонта. Часть костей отправили в музей, а часть или не успели отвезти, или забыли.

Вот Котька и привёз на тележке пудовую кость, чтоб уж сразу рекорд установить.

Дядя Кузя был ввергнут в смятение и не знал, как ему поступить с этой находкой.

— В какие же времена эта животная на земле обитала? — осторожно расспрашивал он у ребят и, когда те сказали, заключил: — Вот видите, значит, ещё задолго до того, как я партизанил и беяков крушил. И выходит что? Выходит, мы не знаем, были во времена мамонтов куры или нет. И если были, то кто кого ел. Опять же кость в земле лежала и... — дядя Кузя пощёлкал в воздухе пальцами, — и какие питательные компоненты её, мы не знаем. А может, в кости этой больше вреда, чем пользы? Может быть? Запросто.

И порешили ребята совместно с дядей Кузей отвезти кость мамонта в школу и организовать там исторический уголок.

— А взамен этой мамонтовой кости вы мне потом, ребята, пуд мелких насобирайте, вот мы и будем квиты.

Ох и хитёр дядя Кузя! Выкрутился той осенью. Кур обеспечил всеми «компонентами» и колхозу крепко помог. На отчётном собрании хвалил председатель дядю Кузю и премию ему вырешили — электроутюг.

НЕ СПИТ КУРИНЫЙ НАЧАЛЬНИК

На деревню спустилась ночь.

Мы вышли с дядей Кузей из дома на улицу, за дровами.

Над избами всё так же стояли пухлые белые дымы. Они поднимались в высь, густо усыпанную звёздами.

Снег искрился и перемигивался бесконечно.

— Вызвездило как, — сказал дядя Кузя, задрав голову и придерживая шапку. — Должен налим ход быть. Надо завтра на реку сбегать — глядишь, добуду себе на уху и хворым курицам на поправку.

Гудела печка, и малинились, наливались жаром её бока. Видно было, как на стёклах вспыхивали студёные искры. Но вот от жара начал оплывать на окнах ледок и гасить эти искры одну за другой.

В углу возле бочек зашуршало, и сейчас же возник откуда-то кот Громило, направился к бочкам неслышными шагами. Хвост его загулял из стороны в сторону, не предвещая ничего доброго колхозным вредителям.

Но скоро кот успокоился, развалился подле жаркой печи. Тревога была напрасной: это из щелястого бочонка просыпалась на пол молотая кость.

Дядя Кузя долго переминался. Ясно видел я, что он хочет о чём-то спросить и не решается. Наконец он начал окольно толковать о том, что у нас ещё много бесхозяйственности, что вот весной вместе с ледоходом брёвноход получается, а дрова надо покупать втридорога. Потом ругал правление колхоза, которое не позаботилось вовремя о ремонте овощехранилища, и много картофеля замёрзло в полях.

Но я чувствовал: подъезжает дядя Кузя к чему-то и не эти дела сейчас его занимают.

— Весна вот скоро, — неожиданно вздохнул дядя Кузя, — забот у меня сызнова будет, забот! Опять коршунё кур начнёт таскать, цыплят безмозглых. Да и чего их не таскать? — подумав, заключил старик. — Будь я коршуном, и то таскал бы. Вольеры нет? Нет. Вот и знай на здоровье курятинку кушай.

Он замолчал. Я жду, что дальше будет.

— Оно вольеру-то бы и не трудно сделать, — снова пустился в рассуждение старик. — Рабочую силу я сыщу — вон у меня вся школа ноне в помощниках ходит. Кликни только, налетят галчата и всё сделают вмиг. Стали школьников тоже к труду приучать. Хорошо это. Баре нам не нужны. Но вот беда — проволоки нету. Есть, правда, у меня на примете...

И тут, наконец, дядя Кузя добрался до сути дела.

Оказывается, он давным-давно уже обнаружил в лесу старую телефонную линию. Был когда-то здесь леспромхоз. Провели эту линию лесозаготовители, но, когда вырубали лесосеки, забросили её и проволоку не сняли. А дядя Кузя побаивается проволоку эту взять: а ну, как влетит за это?

— Не влетит! — заверил я его. — Мобилизуй ребят, снимай эту самую проволоку и делайте вольеру. Леспромхоз тот уже в другую область переехал.

— Ну! — обрадовался дядя Кузя и потёр руки. — Всё! Подземную ораву Громило истребил, теперь бы коршунё пресечь — и станут курицы жить себе да поживать и добро колхозное наживать.

Долго не мог я уснуть в ту ночь. Лежал и всё думал о дяде Кузе, хлопотливом курином начальнике.

Ни болеть, ни умирать ему некогда. Живёт дядя Кузя, работает и не знает, что такими, как он, земля держится.



АСТАФЬЕВ
Виктор Петрович

**ДЯДЯ КУЗЯ,
КУРИНЫЙ НАЧАЛЬНИК**

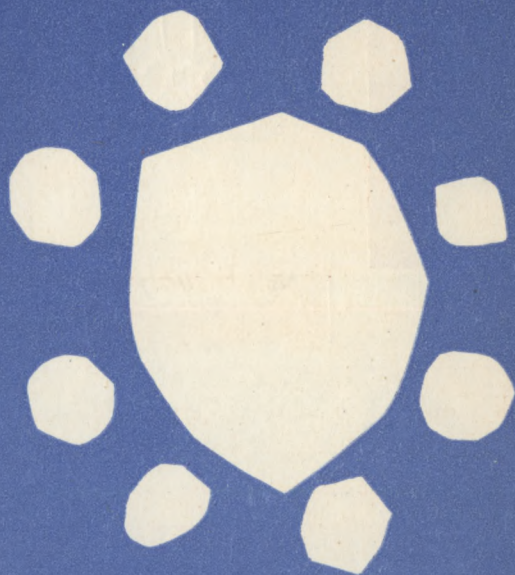
ПОВЕСТЬ

Для младшего школьного возраста

Художник В. Захаров-Холмский

Редактор А. Себзеева. Художественный редактор М. Тарасова. Технический редактор Т. Дольская. Корректор Е. Вожанова.

Слано в набор 25/XI 1968 г. Подписано в печать 20/I 1969 г. Формат бумаги тип. № 2 60×84¹/₁₆. Печ. л. 3,26; бум. л. 1,625; уч.-изд. л. 2,469. Тираж 75 000 экз. Цена 9 коп. Пермское книжное издательство. Пермь, Карла Маркса, 30. 2-я книжная типография управления по печати. Пермь, Коммунистическая, 57. Зак. 1666.



9 коп.

КНИЖНОЕ

П Е Р М С К О Е



ИЗДАТЕЛЬСТВО

1 9 6 9 г.